

Vice-Rector of the International Academy of the methodology of public administration (МОО)

Based on the analysis of the methodological aspects, identifying the conceptual and legal framework, the need to develop science-based system of public-private partnership, creating organizational and legal conditions focuses on disclosure and summarizing trends and approaches to strengthen and improve the legal mechanism of public-private partnerships to improve the efficiency of public administration in theory and practice of implementation of the state policy in the approval of civil society, legal, social state in Russia.

Keywords: mechanism of legal regulation, legal mechanism, the mechanism of lawmaking, legal, public-private partnership, social partnership legislation

УДК 342.5

НУЖНЫ ЛИ НАМ ПЕРЕМЕНЫ ИЛИ НЕОБХОДИМА ВЕРНОСТЬ ТРАДИЦИЯМ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРАВА

*Сергей Алексеевич Правкин, канд. юрид. наук, доц.,
доц. кафедры административного права,
E-mail: Pravkin@bk.ru,
Московский университет им. С.Ю. Витте,
<http://www.muiiv.ru>*

В статье рассматривается система основных источников российского права, анализируется соотношение национального и международно-правового опыта, приверженность новым моделям построения законодательства и верность существующим правовым традициям.

Ключевые слова: правовая система, система права, континентальное право, общее право, прецедентное право, конституционализм, судебная практика.

Всем источникам права присуща формальная определенность, которая есть «имманентное свойство права» или «внешнее выражение правовых норм в форме закона или иного нормативно-правового акта» [1, С. 54]. Особенно четко данный аспект источников права проявляется в связи с формой государственного устройства. Законодательное оформление прав придает устойчивость всей системе институциональных гарантий прав личности. «Считается, что законодательная фиксация прав создает систему гарантий и обеспечивает их беспрепятственное действие. Все, что не запрещено законом, то дозволено» [2, С. 15].

Главная задача исследования состоит в анализе соотношения норм национального и международного права в РФ, в понимании обоснованности выбора той или иной модели правовой системы, допустить действие норм прецедентного права или остаться на позициях романо-германской правовой семьи.

С. А. Правкин

Актуальность проблемы состоит в том, что на современном этапе, несмотря на то, что доктрина отрицает приверженность РФ принципам общего права, в РФ действует определенная практика высших судебных инстанций, выстраивая правоприменительный процесс на основе прецедента. Данная проблема исследовалась в трудах М.Н. Марченко, С.А. Комарова, В.П. Звекова, В.С. Нерсесянца, В.Д. Зорькина и др.

Возможно, решением проблемы будет признание на уровне доктрины действия в РФ правила прецедента и последующее законодательное закрепление этого правила или полный отказ от прецедентного права.

Необходимо учитывать, что в юридической литературе существует заблуждение насчет того, что российская система права ориентирована на нормативно-правовой акт, а

англо-американская модель на прецедент. При этом не надо забывать об историческом аспекте формирования права. Правила и нормы, вырабатываемые на Руси, часто имели прецедентное выражение и происхождение. «Заимствованные формы права были интерпретированы применительно к русским условиям». «Господство материального интереса подчиняло себе привносимую (рецепированную) форму права [3, 30].

1 Место и роль российской правовой системы в современном мире

Влияние нормативности Конституции, понимание «конституализации» как основы системы источников права связано с выбором определенных моделей развития конституционного законодательства. В настоящее время происходит становление «многоуровневого конституционализма», происходит «более тесное сближение конституционного права и международного права и интенсивное влияние принципов и норм последнего на конституционное законодательство. Недооценка такой тенденции недопустима ввиду расширяющегося участия России в международных организациях и межгосударственных объединениях» [4, С. 55]. Необходимо более четко определить принадлежность конституционной модели законодательства России к уже существующим моделям, или определить самостоятельность и автономность национальной правовой системы, в том числе по ее устройству, концептуальному содержанию законодательства, принципам действия источников права и применения международно-правовых норм и т. д.

Российская правовая система в настоящее время пытается соединить противоположные процессуальные основы англо-американской и романо-германской системы, правило прецедента и принципы действия нормативно-правового акта. Вопросы, связанные с источниками права, «являются своего рода отправной точкой в процессе познания всех иных правовых институтов и самого права» [5, С. 3]. По характеру источников права, по способам их формирования, исторической традиции Россию можно отнести к романо-германской правовой семье (континентального права). Данное право формировалось на основе права христианской традиции синоптической кодификации. «Закон в романо-германском праве никогда не отождествлялся и не отождествляется с правом, а «законопорядок», т. е. порядок, складывающийся на основе строгого и неуклонного соблюдения требований, содержащихся в законе, никогда не рассматривался как синоним «правопорядка». Необходимо указать «на такую отличительную черту и особенность романо-германского права, как ярко выраженную по сравнению с другими правовыми семьями доктринальность и концептуальность» [6, С. 369]. Судебная практика также относится к числу вспомогательных источников. В ряде случаев судебное решение, закрепленное на уровне высших судебных инстанций, приобретает фактическое значение прецедента. Но суд не имеет права на правотворчество. В тоже время судебная практика и в этой системе в ряде случаев стала рассматриваться как источник права [7, С. 287]. «Необходима осторожная политика по отношению к юридическому прецеденту. Законодательное оформление прецедента должно учитывать важные последствия, в силу которых государство уже не сможет эффективно повлиять на правоотношение» [8, С. 36]. Роль прецедента в юридической практике не была самостоятельной; прецедент обязательно требовал придания ему формальной определенности со стороны Боярской Думы. С другой стороны, например, В.О.Ключевский «первичной формой крепостного права считал холопство, частно-правовую практику, а не государственное законодательство». Идея подчинения государства праву является основной у С.М. Соловьева при объяснении возможных путей для разрешения социально-политических конфликтов [9, С. 81].

Правовая система России будет очевидно по содержанию и источникам права сближаться, прежде всего, с семьей романо-германского права, не утрачивая при этом своей самобытности. Кроме того, Россия оказалась восприимчива и к традициям семьи общего (англосаксонского) права, допуская в отдельных случаях в правоприменении и толковании права действие принципа прецедента. «Опасность прецедентной практики,

формулы частного юридического отношения состоит не в способе создания, не в практике законотворчества, а в практике последующего применения закона» [10, С. 116]. Закрепление того или иного субъективного права в законодательстве или в судебном решении должно означать реальную возможность индивида свободно пользоваться правом в рамках закона.

Необходимо указать на то, что Конституция РФ в основном носит переходный характер, что «прослеживается практически во всех ее главах и разделах, но наиболее ярко он проявляется в ее исходных положениях, касающихся различных форм собственности, природных ресурсов, земли и др.» [11, С. 172].

Все международные договоры РФ согласно Конституции РФ являются составной частью ее правовой системы, но при этом «необходимо учитывать особенности каждого из них и свойственную каждому из них юридическую силу». Юридическая сила международного договора равна юридической силе федерального закона, в редакции которого он утверждается парламентом РФ. Если эти договоры утверждены указом Президента РФ или постановлением Правительства РФ, то их юридическая сила равна соответственно юридической силе указа или постановления. В данном случае они не обладают верховенством по отношению к национальному законодательству. Они имеют верховенство в данном случае лишь по отношению к указам Президента РФ или постановлениям Правительства РФ [12, С. 328].

2 Приверженность РФ принципам романо-германской правовой семьи

Необходимо обратить внимание на то, что в действительности принцип верховенства действия международных норм и договоров подрывает основы правовой системы Российской Федерации, ограничивает активность национального права [13, С. 352]. В середине 90 гг. Верховный Суд РФ обратил внимание на то, что «в ч. 4 ст. 15 Конституции РФ речь идет о приоритете перед российскими законами только тех международных договоров, решение о согласии на обязательность которых для Российской Федерации «было принято в форме федерального закона» [14, С. 23]. Безусловно, что данный подход к признанию международных норм является предпочтительным.

Все большее регулирующее значение приобретают декларации и конвенции, кодифицированные акты различных неправительственных организаций и др. С другой стороны, учитывая влияние, нельзя не заметить, что безоговорочный приоритет международных договоров может «поставить свое национальное право в полную зависимость от международного, пусть даже договорного права» [15, С. 327]. Приоритет международных договоров перед национальными законами имеет место лишь в случае их ратификации в форме федерального закона. Согласно смыслу ст. 15, п. 4 Конституции РФ речь идет не о международных договорах вообще, а о надлежаще ратифицированных международных договорах.

Необходимо применение принципа приоритетного действия Конституции РФ по отношению к ратифицированным международным договорам и актам. В соответствии с ч. 6 ст. 125 Конституции РФ международные договоры, не соответствующие Конституции РФ не подлежат введению в действие и применению. Таким образом, Конституция РФ сохраняет юридическое верховенство перед всеми нормами, в том числе – нормами международных договоров. «Встречающиеся иногда в отечественной литературе утверждения о том, что «международные договоры, закрепляющие права и свободы человека и гражданина» имеют приоритет над Конституцией РФ, не соответствуют действительности, противоречат законодательству, выдают, по-видимому, желаемое за действительное» [16, С. 24]. Данную мысль подтверждает следующее суждение: «В Конституции нет определенно сформулированной нормы о верховенстве и действии международных договоров России на всей территории РФ. В ч. 2 ст. 4 речь идет о верховенстве Конституции и федеральных законов. Посредством толкования ч. 4 ст. 15 Конституции, объявляющей общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры РФ составной частью правовой системы Федерации,

можно презюмировать конституционное закрепление общедолевой юридической силы международных договоров» [17, С. 74].

Проблема признания судебной практики, т. е. судебного прецедента в качестве источника права РФ на сегодняшний момент не решена. Имеют ли суды право разграничивать право и закон, обеспечивая действие принципа верховенства права, остается вопросом. С другой стороны, в производстве, возникающем по делам из публично-правовых отношений, суды разрешают вопросы об оспаривании нормативно-правовых актов, отменяя или признавая юридическую силу того или иного акта. Толкуя нормативно-правовые акты, суд проверяет их на соответствие Конституции и другим актам. Постановления Пленума Верховного суда имеют прецедентное значение для нижестоящих инстанций, хотя, впрочем, в данном случае мы имеем дело с прецедентом судебного толкования. Но издание на основе прецедента судебного толкования решения нижестоящим судом некоторым образом превращает его в форму судебного прецедента.

Кроме того, разрешая споры, суды применяют непосредственно Конституцию РФ в случае противоречия ей норм федерального закона или закона субъекта РФ. Но необходимо учитывать мнение, что отмена законов является прерогативой не судебных, а правотворческих органов, так как решение суда является лишь основанием для отмены акта правотворческим органом [18, С. 39]. С другой стороны, сложилась практика решений, например, Конституционного Суда РФ, который принимает окончательные решения, не подлежащие обжалованию. Эти акты действуют непосредственно, их юридическая сила не может быть преодолена даже повторным принятием того же акта. Решения судов, принятые на основе актов, признанных неконституционными, не подлежат исполнению и должны быть пересмотрены. Правотворческий орган при этом не дублирует решения Конституционного Суда РФ, следовательно, Конституционный Суд РФ может принимать своего рода «правоотрицающие» прецеденты, имеющие последствия по отмене некоторых актов и, соответственно, выражающиеся в признании юридической силы за другими актами, причем, в том понимании, какое придает нормам этих актов Конституционный Суд.

Постановления Конституционного Суда РФ носят нормативный характер, а следовательно, также являются источниками российского права. Но необходимо уточнить, что данные прецеденты действуют до того момента, пока правотворческий орган не приведет в соответствие нормативно-правовой акт с учетом требований Конституционного Суда РФ. Хотя и в большинстве случаев мы именуем подобные решения прецедентами судебного толкования, по сути, они не отличаются от обычных прецедентов, носящих нормативный характер («правопорождающие» прецеденты). Фактически судебный орган подобным образом указывает законодателю, какую норму, в каком содержании и форме необходимо принять. Формально суд в этом случае не создает закона, но фактически определяет законные рамки и правила той нормы, которую впоследствии должен принять законодатель, учитывая позицию Конституционного Суда.

Но необходимо учитывать, что судебное правотворчество связано с восполнением пробелов в праве и конкретизацией (толкованием) законов. Решения судов не могут противоречить законам или отменять закон. Но судебное правотворчество является фактом, оно носит субсидиарный характер, дополняя правотворчество законодательных органов. «Современная судебная власть России, главным образом в лице Конституционного суда, фактически уже осуществляет правотворческие функции и это признается большинством отечественных авторов – теоретиков и практиков» [19, С. 397].

Но формы и виды правотворческой деятельности Конституционного Суда РФ не распространяются на иные полномочия, т. е. не связанные с разрешением споров о праве и официальным толкованием Конституции РФ. В соответствии с Конституцией РФ Верховный Суд РФ имеет право давать разъяснения по вопросам судебной практики. Существует точка зрения, что решения судов и арбитражей, формулируемые в общей форме в постановлениях их высших органов по разъяснению норм законодательства,

представляют собой источник гражданского права [20, С. 21]. Суды могут признавать любой акт недействительным, если он не соответствует закону и нарушает законные интересы граждан и юридических лиц. С обновлением российского коллизионного права и включения в него «гибких» коллизионных норм полномочия суда при определении применимого права становятся еще более широкими [21, С. 136]. Все чаще суды в вопросах применения права обращаются к международному праву.

Судебное правотворчество, связанное «с процессом создания индивидуальных правовых норм, самым непосредственным образом ассоциируется с формированием «обязывающего прецедента». Специфичность последнего заключается в том, что содержащееся в судебном решении правило «обязывает не только стороны в конфликте, но и все общество. Творчество суда по отправлению правосудия приобретает тем самым общее действие» [22, С. 402].

В соответствии с разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ оценке с точки зрения соответствия закону подлежат акты любого государственного или иного органа (нормативные указы Президента РФ, постановления палат парламента, постановления и распоряжения Правительства РФ, акты органов местного самоуправления, приказы и инструкции министерств и ведомств, руководителей учреждений, организаций и др.). При возникновении проблем в определении соответствия Конституции РФ закона, примененного или подлежащего применению, суд в соответствии со ст. 125 Конституции РФ обращается в Конституционный Суд РФ с запросом о конституционности закона [23, С. 134]. С другой стороны, «проблема признания судебной практики, т. е., судебного прецедента в качестве источника права РФ, на сегодняшний момент, не решена» [24, С. 77].

3 Выбор между двумя моделями или их органичное соединение

Доктриной выражается мнение о целесообразности «на официальном уровне, законодательно признать судебное правотворчество за высшими судебными органами, в частности за Конституционным Судом РФ, в качестве одного из способов формирования правовых норм» [25, С. 95]. Необходимо учитывать, что «хотя и в большинстве случаев мы именуем подобные решения прецедентами судебного толкования, по сути, они не отличаются от обычных прецедентов, носящих нормативный характер («правопорождающие прецеденты»). Фактически судебный орган подобным образом указывает законодателю, какую норму, в каком содержании и форме необходимо принять. Формально суд в этом случае не создает закона, но фактически определяет законные рамки и правила той нормы, которую впоследствии должен принять законодатель, учитывая разъяснения Конституционного Суда» [26, С. 78]. Решения судов не могут противоречить законам или отменять закон. Судейское правотворчество в основном в РФ связано с восполнением пробелов в праве и конкретизацией, толкованием законов. С другой стороны, судебное правотворчество, связанное с процессом «создания индивидуальных правовых норм, самым непосредственным образом ассоциируется с формированием «обязывающего прецедента» [27, С. 79].

В связи с наличием двухуровневого законодательства Российской Федерации требуется создание более эффективного механизма обеспечения прямого действия Конституции РФ. Необходимо учитывать, что система законодательства связана не только с системой права, но и ориентирована на форму государственного устройства (законодательство федерального уровня и уровня субъектов федерации) [28, С. 243]. Субъекты РФ обладают правом законодательной инициативы по отношению к федеральным законам, издаются законы и иные нормативно-правовые акты по предметам совместного ведения и исключительной компетенции. Конституция (п. 6 ст. 76) закрепляет принцип верховенства нормативно-правового акта субъекта при возникновении противоречий между федеральным законом и нормативно-правовым актом субъекта, если этот акт издан по предметам исключительного ведения субъекта.

На территории каждого субъекта сложились свои подсистемы нормативно-правовых актов (конституции, уставы, законы, договоры, соглашения, указы и распоряжения президентов республик, постановления и распоряжения правительств субъектов и глав администраций). Правотворчество субъектов ограничено рамками Конституции РФ, ФКЗ и ФЗ, действием системы федеральных подзаконных актов по отношению к подзаконным актам субъектов.

Упрочение конституционных основ правовой системы, построенной на взаимодействии властей, включает в себя наиболее последовательное действие принципа субсидиарности в федеративных отношениях, его проявление на государственном, региональном и локальном уровнях. Правомочность субъекта по принятию нормативно-правового акта связана, прежде всего, с соблюдением правотворческой компетенции, правильным выбором предмета законодательного регулирования, с соблюдением формы акта, процедуры подготовки, рассмотрения, принятия и вступления акта в силу. [29, С. 108].

В современных условиях возрастает значение информативности закона, являющегося коммуникативным средством взаимодействия государства и личности. Необходима дальнейшая работа по детализации отдельных общих положений Конституции в конституционных законах, внося определенность в конституционные установления. «Проводимые в последнее время в России реформы по восстановлению вертикали власти, единого правового поля, совершенствованию федеративного устройства не принесут, на наш взгляд, ощутимых результатов в становлении в нашей стране действительно демократического правового государства, если не будут приняты меры по совершенствованию Конституции РФ» [30]

Основной вывод состоит в том, что необходимо учитывать сближение принципов и норм международного и конституционного права и более четко обозначить законодательно приверженность России той или иной модели построения законодательства. Требуется четко отграничить легитимность власти, конституционно-правовые и договорные формы взаимодействия между федеральным центром и субъектами федерации, определить допустимые сферы договорной основы в построении государства и его законодательства, а также сферы, где договорные формы будут полностью исключены. Необходимо законодательно закрепить возможность применения прецедента в РФ и четко выстроить эту систему прецедентов, учитывая прецедентный характер «выработкой» нормы в истории нашего государства; либо четко ограничить или исключить его применение.

Возможно также сочетание этих традиций, но при этом требуется расстановка приоритетов: когда мы руководствуемся законом, когда к определенным отношениям допустимо применение прецедента. Замалчивать данную проблему, утверждая, что в РФ применяется субсидиарно лишь прецедент судебного толкования, больше нельзя. Следует также учитывать, что в историческом плане приверженность правилу прецедента является не следованием системе англо-американского права. В различные периоды истории, особенно древней Руси, создание норм происходило, в том числе, и прецедентным путем. И это происходило с учетом того, что уже существовала развитая система законодательства, строящегося по принципам романо-германского права, но также с учетом скандинавских правовых традиций и норм своего, церковного, княжеского, прецедентного и обычного права.

Не исключена также возможность закрепления на законодательном уровне норм времен царской, императорской или советской России, которые имели бы практическое значение для регулирования как государственного, так и частного права. Обратим внимание, что на современном этапе развития как государственного, так и частного права многие страны, и не только монархические, опираются на законы достаточно древние (по происхождению), но имеющие важное значение, в том числе, в плане законодательного и государственного преемства.

Сегодня для РФ возможны для применения не только отдельные нормы или акты из истории законодательного регулирования, но и воссоздание возможно таких органов, как Земские Соборы, Учредительное Собрание, общины как формы местного самоуправления и союзы общин. Царский герб уже восстановлен, как и гимн времен СССР; Госдума, Госсовет и сходы граждан уже работают. Необходимо сделать выборку из законов прошлых веков, которые возможно бы потребовались для создания новой Конституции, которая бы соединила в себе лучший опыт государственно-правового регулирования царской, советской и современной России.

Литература

1. *Трухин А.М.* Формальная определенность уголовной ответственности в уголовном законе // Государство и право. 2006. № 3.
2. *Глухарева Л.И.* Методологические аспекты развития теории прав человека // Государство и право. 2006. № 3.
3. *Правкин С.А.* Генезис форм государства и права в России: монография / С.А. Правкин; Московский институт экономики, менеджмента и права. М., 2005.
4. Конституционное законодательство России / под ред. Ю.А. Тихомирова. М., 1999.
5. *Марченко М.Н.* Источники права: учебное пособие. М.: Проспект, 2005.
6. *Марченко М.Н.* Проблемы теории государства и права. М., 2001.
7. *Нерсесянц В.С.* Судебная практика как источник права. М., 1997.
8. *Правкин С.А.* Генезис форм государства и права в России: монография / С.А. Правкин; Московский институт экономики, менеджмента и права. М., 2005.
9. *Правкин С.А.* Генезис форм государства и права в России: монография / С.А. Правкин; Московский институт экономики, менеджмента и права. М., 2005.
10. *Правкин С.А.* Генезис форм государства и права в России: монография / С.А. Правкин; Московский институт экономики, менеджмента и права. М., 2005.
11. *Марченко М.Н.* Источники права: учебное пособие. М.: Проспект, 2005.
12. *Марченко М.Н.* Источники права: учебное пособие. М.: Проспект, 2005.
13. *Марченко М.Н.* Источники права: учебное пособие. М.: Проспект, 2005.
14. Источники российского права: вопросы теории и истории / отв. ред. М.Н. Марченко. М., 2010.
15. *Марченко М.Н.* Источники права: учебное пособие. М.: Проспект, 2005.
16. Источники российского права: вопросы теории и истории / отв. ред. М.Н. Марченко. М., 2010.
17. Международное право / отв. ред. Г.В. Игнатенко и О.И. Тиунов. М., 2011.
18. *Нерсесянц В.С.* Судебная практика как источник права. М., 1997.
19. *Марченко М.Н.* Источники права: учебное пособие. М.; Проспект, 2005.
20. Гражданское право России: курс лекций / под ред. О.Н. Садикова. М., 1996. Ч. I
21. *Звеков В.П.* Международное частное право. М., 2011.
22. *Марченко М.Н.* Источники права: учебное пособие. М.: Проспект, 2005.
23. *Звеков В.П.* Международное частное право. М., 2011.
24. *Правкин С.А.* Эволюция источников права в России: история и современность: монография / С.А. Правкин; Московский институт экономики, менеджмента и права. Каф. «Гос.-прав. дисц.». М., 2007.
25. *Спектор Е.И.* Судебный прецедент как источник права // Журнал российского права. 2003. № 5.
26. *Правкин С.А.* Эволюция источников права в России: история и современность: монография / С.А. Правкин; Московский институт экономики, менеджмента и права. Каф. «Гос.-прав. дисц.». М., 2007.
27. *Правкин С.А.* Генезис форм государства и права в России: монография / С.А. Правкин; Московский институт экономики, менеджмента и права. М., 2005.
28. *Комаров С.А.* Общая теория государства и права. СПб., 2001.
29. *Яценко В.В.* Некоторые вопросы конституционного развития Российской Федерации // На пути к правовому государству: трудности и достижения / сб. материалов Всероссийской конференции. Курск, 2002.
30. *Зейналова Л.М.* Ведущие направления научных исследований политико-правовой проблематики в контексте российской модернизации 1990-х годов // Науковедение. 2013. № 2.

Whether we need changes or loyalty to traditions of national right is necessary

Pravkin Sergey Alekseevich, candidate of legal sciences, associate professor, associate professor Department of Administrative Law of Moscow Witte University.

The system of basic sources of the Russian right is examined in the article, correlation of national and international legal experience is analysed, adherence to the new models of construction of legislation and loyalty to existent legal traditions.

Key words: legal system, system of right, continental right, common law, case-law, constitutionalism, judicial practice

**ЦЕННОСТНЫЕ ПРИОРИТЕТЫ В РАЗВИТИИ ПРАВА
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**

*Василий Степанович Юрчук, канд. юрид. наук, доц. кафедры теории,
истории, государства и права,
E-mail: vJurchuk@muiv.ru,
Московский университет имени С.Ю. Витте,
<http://www.muiv.ru>*

В статье рассматриваются основные ценностные категории права, такие как свобода, равенство. Показана их реализация в современной правовой России, рассмотрены различные точки зрения на перспективы правового развития российского государства.

Ключевые слова: свобода, равенство, формально-юридическое равенство, фактическое равенство, нормы-льготы, нормы-ограничения.

Если сегодня Россия входит в семью европейских стран, то естественна ее правовая ориентация, прежде всего, на передовой западноевропейский опыт.

Но ориентация на этот западноевропейский опыт отнюдь не означает необходимости именно в данный момент копировать строй современных либеральных правовых государств. Если России суждено жить в правовой системе западноевропейского типа, то должно быть соблюдено, по крайней мере, одно условие: необходимо обеспечить по возможности мягкое, через какие-то промежуточные этапы, вхождение страны в правовую систему западноевропейского типа, систему, которая до сих пор ни в коей мере к российским условиям не прилагалась. В последние годы в стране возродился, чуть ли не весь спектр политических течений дооктябрьской и советской эпохи. Конкурируют разного рода идеалы от монархических и теократических до либерально-демократических и несоветских. Лишь немногие из них выходят за рамки абстрактных и весьма смутных по содержанию лозунгов. Но некоторые общие политические тенденции в современном российском обществе уже проявились: достаточно определенно заявили о себе сторонники возрождения традиционных форм российской государственности и правопорядка и сторонники классически-либерального

В.С. Юрчук

правового государства.

«Традиционалисты», требующие не считаться с интересами мирового сообщества и исходить только из национальных интересов, в духе традиционного российского эта-